

КРАСНАЯ ПУСТЫНЯ

НАМИБИЯ ПОЯВИЛАСЬ НА ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА СРАВНИТЕЛЬНО НЕДАВНО, ПОЛУЧИВ НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОСЛЕДНЕЙ ИЗ АФРИКАНСКИХ СТРАН. ТЕПЕРЬ ЭТО ОДИН ИЗ САМЫХ БЕЗОПАСНЫХ УГОЛКОВ АФРИКИ. СТР. 042–047

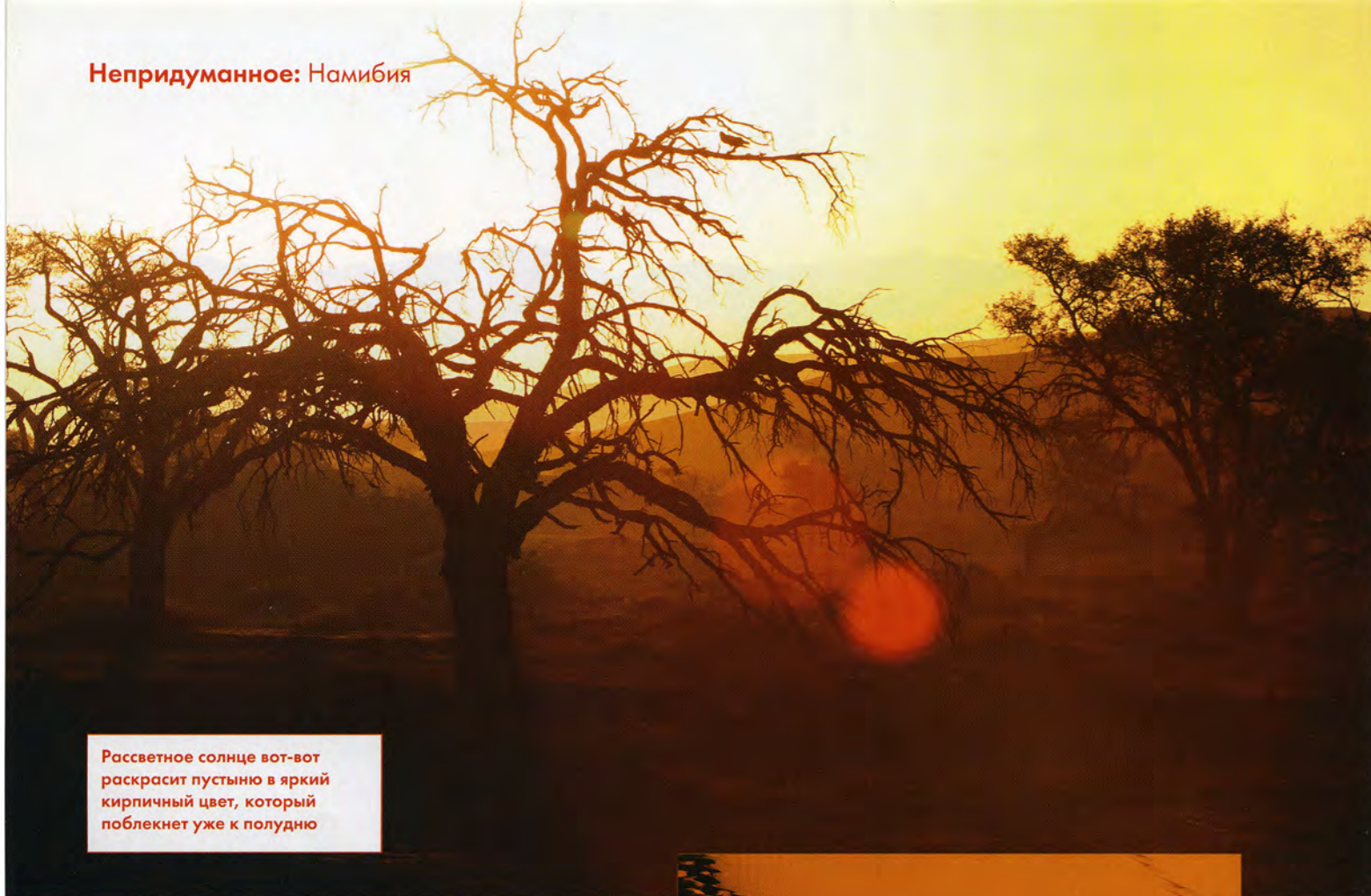
Текст и фото:
Алексей
Нагоев

В НАМИБИИ я оказался случайно. Возвращаясь с крайнего юга, я на несколько дней задержался Кейптауне. Решив пройтись и поглазеть на буйство жизни на действительно длинной Лонг-стрит, я набрел на рыночную площадь, где продают привозимых из Замбии каменных бегемотов, носорогов, жирафов, состоящих из двух половинок, между которыми удобно зажимать пару-тройку книг. Там же находятся офисы авиакомпаний. На рекламном плакате «Эйр Намибия» изображена пустыня, но не белая, из которой я только что вернулся, и не желтая, как на севере Африки, а красная, как кирпичная кладка. На соседнем постере взлетал самолет, а поверх, крупно: «Ежедневные рейсы Виндхук — Франкфурт». Решение принято: покупаю билет в «ветренный уголок» — так переводится Виндхук с африкаанс.

Две главные достопримечательности Намибии — самые высокие на Земле красные дюны Соссусфлея и нацио-

нальный парк Этоша, изобилующий дикими животными, расположены к югу и северу от столицы, на почтительном расстоянии в 800 км. Но в Намибии сносный климат, хорошее пиво и превосходные дороги, построенные ЮАР во времена апартеида. И самая низкая на земле плотность населения. Разве что в Якутии ниже. Поэтому пробок нет и практически не существует преступности. Учитывая все вышеперечисленное, я прикинул, что четырех дней мне должно хватить.

Приземлившись в международном аэропорту Виндхука, я с безразличным видом прошел мимо немногочисленных таксистов прямо к желтой стойке проката автомобилей. Но к моему удивлению свободных машин нет — при низкой плотности населения плотность туристов оказалась чрезвычайно высокой. Свободных ключей не нашлось ни за красной стойкой, ни за зеленой. Пришлось сдаваться единственному оставшемуся в аэропорте таксисту и на стареньком мини-вэне, мечте хиппи, отправиться в Виндхук,

Рассветное солнце вот-вот раскрасит пустыню в яркий кирпичный цвет, который поблекнет уже к полудню

останавливаться в котором я совершенно не планировал. Благо отель удалось найти — тот, где я поселился, оказался очень милый. Содержала его чопорная немка, так что в комнатах было безупречно чисто, а все горизонтальные поверхности украшали разного рода кружевные салфеточки и слоники.

Исколесив наутро город вдоль и поперек, я все-таки обрел автомобиль. Он только что вернулся, избородив пустыни и саванны, и имел вид вывернутого наизнанку пылесосного мешка.

Прежде чем вручить мне ключи, сотрудник разыграл небольшое представление. Выпучивая глаза и активно жестикулируя, он продемонстрировал мне несколько наиболее удачных снимков жутких автокатастроф с участием крупных животных и несколько раз повторил, что максимальная скорость на дорогах Намибии — 50 км в час. Осведомился, куда я путь держу. «Этоша-парк», — соврал я. Дело в том Соссусфлей ведет дорога, по которой, по мнению прокатчиков, можно проехать только на полном приводе. Но зачем расстраивать человека.

Наконец-то уселся за руль. Он тут правый, а движение, естественно, левостороннее. Так что расслабляться в городе нельзя — точно выедешь на встречу. Но постепенно это проходит. У меня уже давно возникло ощущение, а в Намибии оно окрепло, что для человека правый руль и левая сторона более естественны.

Километров через 80 поворот в сторону пустыни — и сразу грунт. 350 км по гравию. Машин почти нет — ни встречных, ни попутных. Но если уж кто проедет,

Дюны парка Соссусфлей считаются самыми высокими в мире

пыль столбом — приходится спешно крутить ручку стеклоподъемника.

Пустыня Намиб — главная достопримечательность страны и древнейшая пустыня мира, ее возраст оценивается учеными в 60–80 млн лет — протянулась на 1500 километров вдоль атлантического побережья. Опровергая свое название (Намиб переводится как «место, где ничего нет»), пустыня поражает разнообразием ландшафтов: бурые выветренные скалы, каньоны

сухих рек, непрерывно перемещающиеся огромные розовые дюны и обширные щербистые пустоши с редкими оазисами.

Национальный парк Намиб-Науклоф занимает огромное пространство, но его жемчужиной, притягивающей туристов со всего мира, является плато Соссусфлей с его высочайшими в мире красными песчаными дюнами. Оказалось, что проехать на территорию заповедника можно лишь от заката до рассвета. Те, кто хочет встречать рассвет среди барханов (все, разумеется, очень хотят, поскольку «правильные» цвета возможно увидеть лишь при низком солнце), могут остановиться уже на территории парка, между его внешними и внутренними воротами. Тут есть лодж и кемпинг. Первый уже полностью оккупирован туристами, так что я взял предложенный тент, заплатил за него 10 долларов и столько же за въезд в парк. Бросив тент в машину, проехал внутренние ворота. Сразу за ними, по обе стороны шоссе вырастают дюны. До самых больших — полчаса (ну, или час, если ехать «вери, вери слоу»). И вот они — фирменные радикальные красный и черный цвета, как будто накрученные в фотошопе... И на фоне этих декораций — пасущиеся спрингбоки и редкие одинокие деревья, почти все сухие. Эффектное зрелище, действительно.

На песчаные барханы можно залезть, но я решил оставить это удовольствие на утро. Возвращаться приходится уже почти в полной, быстро накрывшей буро-фиолетовой темноте. Почти на ощупь нахожу свою площадку в кемпинге, начинаю разбираться с тентом. Он весь грязный, с дырками, трубки гнутые, двух колышков не хватает. Бросаю затею (да еще и заползет кто-нибудь) и начинаю оборудовать логово в машине. Резко холодает, и на небе, как снег, высыпают звезды — иней Млечного Пути. Температура упала градусов на 20. Хорошо, что со мной антарктические шмотки. Делаю из них лежанку. Не очень-то удобно, но спать недолго осталось.

Проснулся по звонку будильника. На все утренние процедуры — одна бутылка минералки, вместо завтрака — кусочек козинаков. Машина завелась, хоть и не сразу. Встраиваюсь в щупающую фарами черноту,

Название намибийской столицы переводится как «ветренный уголок»

ОКАЗАЛОСЬ,
ЧТО ПРОЕХАТЬ
НА ТЕРРИТОРИЮ
ЗАПОВЕДНИКА
МОЖНО ЛИШЬ ОТ
ЗАКАТА ДО РАССВЕТА

извивающуюся по дороге к въездным воротам цепочку автомобилей. Охранник проверяет бумаги. Ровно в 5:30 ворота открыты.

Небо светлеет на глазах. Косые лучи солнца зажигают изгибы дюн. Ехать на «недоприводе» до главной достопримечательности нельзя — штраф 300 рандов. Приходится лезть в «шаттл» — специально оборудованный ленд-ровер. Я один, так что сажусь рядом с водителем. Лихо объезжаем самонадеянных североамериканцев, решивших, что, если они арендуют самый шикарный джип, навыки вождения как-то сами собой нарастут. Как бы не так. Песок есть песок. Даже наш «деф» заметно водит на переметах. Но вот и конечная. Мы у подножия песчаной горы, куда гуськом уже поднимается вереница туристов. Взбираться по ребру песчаного хребта оказывается вовсе не трудно. Многоголосая, разноязыкая толпа растянулась цепочкой. Вокруг куда ни глянь — десятки дюн, но все лезут на одну, самую заветную. Отличается она, правда, лишь тем, что именно о ней написал беззаветно любимый бэкпекерами Lonely Planet.

Французская парочка выясняет отношения, не стесняясь свидетелей, не сбавляя тон. Итальянская бабка машет руками и орет, будто она у себя на балконе в Неаполе. Весь шарм этой древней пустыни, вечных дюн — в их безмолвии, и в таком окружении впечатление серьезно страдает; чувствую, надо мотать отсюда. Травесирюя склон, устремляюсь вниз, и спуская всего считанные минуты я уже у подножия дюны, в Dead Vlei. Это можно перевести с африкаанс как «мертвая впадина». Огромная котловина из потрескавшейся светло-серой глины, со всех сторон окруженная 300–350-метровы-

Слоны отлично уживаются со всеми обитателями парка Этоша

Другое название спрингбоков — антилопа-прыгун

ми барханами, где из растрескавшейся почвы торчат сухие стволы погибших еще 1000 лет назад деревьев, отбрасывающих угольные тени на красный, буквально кирпичного цвета (но начинающий уже блекнуть) песок. Здесь так сухо, что скелеты этих деревьев не гниют сотни лет. Через полчаса краски исчезают. Цвета пожуили. Белое солнце в белом небе. Начинается пекло. Я разворачиваюсь на 180 градусов — теперь путь на север.

Национальный парк Этоша в северо-западном углу пустыни Калахари — один из самых знаменитых заповедников Африки. Ему более 100 лет. Площадь — половина Эстонии или целый Израиль. В середине парка — внушительных размеров, но совершенно несерьезной глубины озеро Этоша.

Несколько десятков видов млекопитающих, многие из животных — редкие или находящиеся под угрозой вымирания, как, например, живущие в парке черные носороги. Слоны парка Этоша имеют репутацию самых больших на планете, можно встретить львов, гепардов, жирафов, все разновидности антилоп и сотни видов птиц. Так что фотографу в парке есть чем заняться.

От столицы парк отстоит на 400 км. Быстро домчавшись по отличному шоссе, приобретаю на въезде билет, получаю карту парка. Основные правила посещения: не тревожить и не кормить животных, не гонять и не вылезать из машины.

На карте обозначены автодороги и места водопоев животных, где с наибольшей вероятностью можно их встретить. Ведь за исключением сезона дождей зверье зависит от немно-

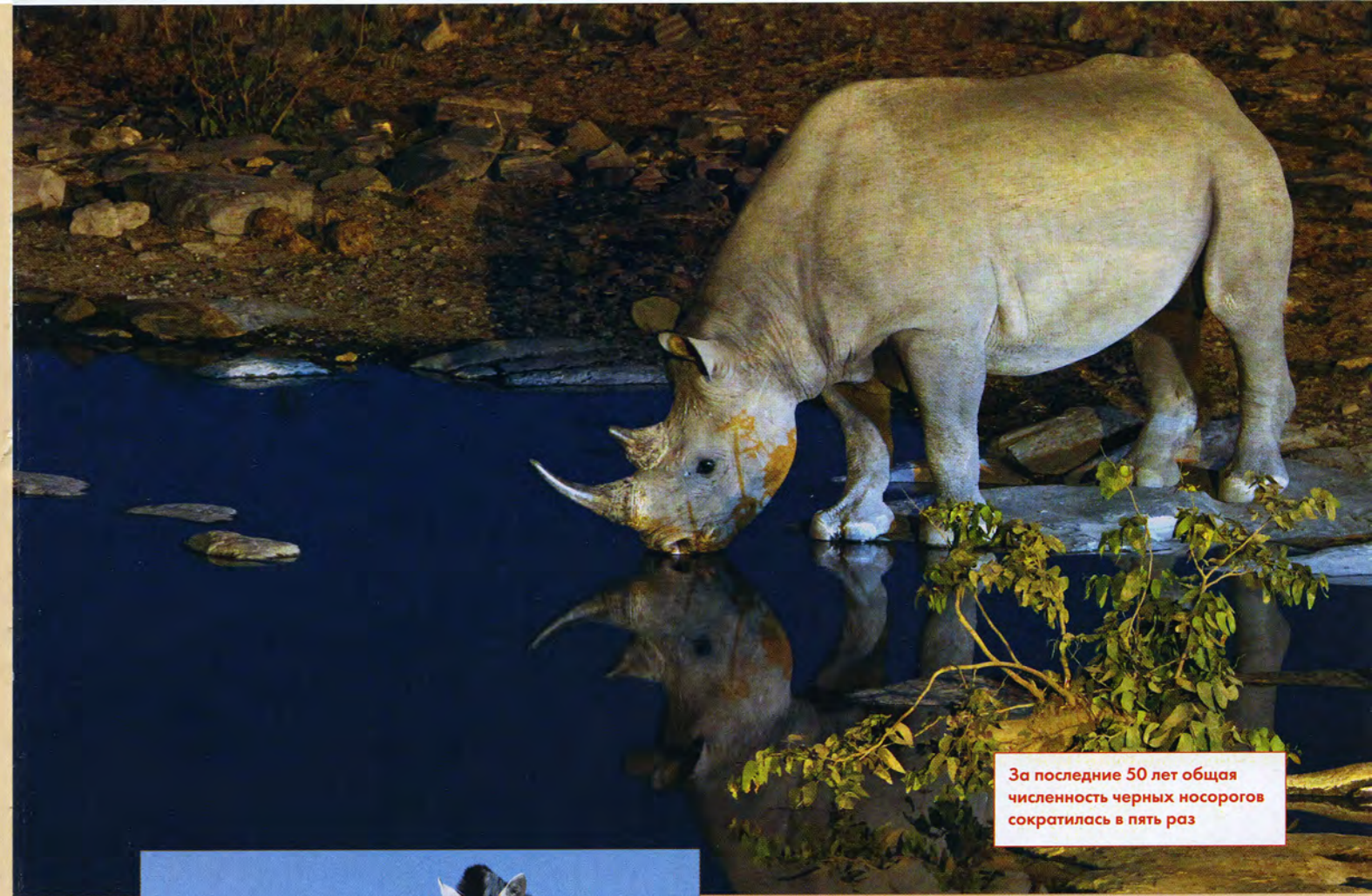
гочисленных водоемов. Не проехав и десятка километров, увидел трех жирафов, которые совершенно беззвучно и удивительно быстро двинулись по поросшему карликовыми кустиками полю по направлению к небольшому лесочку. Сверившись с картой, смекнул: ага, идут пить! Но не доехав до большого жирафьего водопоя, встретил слоновью семейку, залезшую в небольшой прудик у дороги. Слоны были какие-то ненастоящие, как будто сделанные из гипса. Заглушив мотор и присмотревшись, я понял — слоны были все перемазаны грязью. Забирая хоботами воду из пруда и обливая ею друг друга, они зачерпывали много ила, который, высыхая и трескаясь, придавал слонам вид старых советских статуй из пионерского лагеря. На фоне могучих серых фигур маячили спрингбоки, зебры и прочая «мелочь».

Чуть поодаль двигалось стадо антилоп с умопомрачительными рогами. Таких я еще не видел. Их имя — ориксы, или сернобыки, и они являются национальным символом Намибии, присутствующим на ее государственном гербе. Рога чудовищные, длинные, как бивни нарвала, витые, как Вандомская колонна... Я поехал в сторону озерца, куда ушли жирафы, но вожак стада ориксов повел их по касательной к дороге и через некоторое время мы сошлись совсем близко. Быки устали на меня, прядая ушами. Вся колонна с телятами со смешными, маленькими еще рожками замерла в ожидании. Мне не оставалось ничего, как уважительно сдать назад. Неторопливо сернобыки прошли рядом. Я вдоволь нащелкался затвором.

Все-таки не зря приехал, наличие живности в парке оказалось не пустыми рекламными байками.

Покатавшись 2–3 часа, видел еще жирафов, зебр (несчетное количество), гиен, антилоп куду, птице-секретаря и других, помельче, непугливых. Можно подъехать практически на расстояние вытянутой руки, и улетают они, только когда начинаешь открывать окно. А одна птичка с внушительным крючковатым клювом вообще не хотела улетать, только перепорхнула на соседнюю колючку.

Поехал по «рино раут» в надежде увидеть носорогов. Но, увы, 40 км по паршивой лесной грунтовке с торчащими корнями и острыми камнями

За последние 50 лет общая численность черных носорогов сократилась в пять раз

Рисунок полос каждой зебры уникален

ми — и ни одного животного. До заката часа два, пора как-то определиться с ночевкой. Спать в машине — ни малейшего желания. Еду в лагерь Халали, расположенный в сердце парка. На ресепшене шикарная мулатка. Жалуюсь ей на полное отсутствие носорогов. «О, сэр, их совсем, совсем мало осталось... Их убивают. Но они еще есть. Носороги днем не выходят, жарко, они активны ночью. Если хотите увидеть носорога, недалеко от лагеря есть водопой, они иногда

приходят туда в сумерка. Вы сходите, это недалеко, и если вам повезет — увидите носорога».

Иду по тропке, поднимающейся на холм. На вершине сидит десятка два туристов, молчаливо уставившихся висящее над самым лесом малиновое дымное солнце, последними лучами глядящее какое-то болотце. Вокруг летают пчелы, шмели... Как только солнце коснулось листвы далеких деревьев мопане, люди вокруг схватились за айфоны. Впрочем, в считанные мгновения светило померкло. Я поднялся с еще не остывших камней, и тут из кустиков показался носорог и не спеша направился к болотцу. Хотелось протереть глаза. Правда носорог. Подойдя к воде, не обращая внимания на зрителей, он встал на плоский камень у самой воды и смотрел вдаль. Потом с достоинством сделал еще шаг, опустил тяжелую голову и начал пить из озерца. Сделав несколько больших глотков, поднял голову и застыл в задумчивости... Было уже совсем темно, но фонари, установленные на холме, проливали немного света на его фигуру, а спокойный характер портретируемого позволил использовать длинные выдержки. У многих оказались штативы... Я подыскал подходящий выступ в гранитном валуне, примастырил камеру и начал лязгать затвором. Носорог снова попил и опять долго стоял, устремив взгляд туда, куда ушло солнце. Думал о чем-то... Он то прижимал, то наводил уши, возможно, ждал кого-то... Потом сделал еще пару глоточков и, сдав задом, поворотил к лесу, пошел, пошел и скрылся в кустах. Трудно было поверить, что он тут был. И что я видел его собственными глазами! ■